

Из дневника 1956 года

Р. Г. Назиров

[Вложена вырезанная из газеты статья «Белград и Вашингтон просчитались» автор Лев Ошанин]

[Вложена вырезанная из газеты Правда от 17 сентября 1949 г. статья «Судебный процесс венгерского государственного преступника Райка и его сообщников»]

16 июля. Понедельник. Сегодня я читал югославскую газету «БОРБА» (петак, 30 марта 1956). Один заголовок на полосе сразу бросился мне в глаза:

ВРХОВНИ СУД МАЂАРСКЕ

реhabилитовао Ласла Рајка

који је осуђен на основу лажних оптужба у монструозном процесу и стрељан 1949 године.

«Титовский шпион»-писали о нём в советских газетах. Значит, ещё один невинный. В наших газетах я не заметил этой посмертной реабилитации, может быть, об этом не писали. Для наглядности я прилагаю одну старую вырезку, вернее, две вырезки о деле Ласло Райка.

В «Борбе» я впервые прочёл слово «сталинизм». Не слышал раньше этого термина.

В «Борбе» или в «Политике» была напечатана корреспонденция о печатном выступлении советского «сликара» (художника) Александра Герасимова. Я как-то проморгал это выступление (март 1956 года). Говорится, что А. Герасимов, известный как портретист Сталина и др[угих] советских вождей, выступил с критикой «культы личности» в живописи». По сути дела он критиковал самого себя: лакировка действительности, парадность, восхваления, это всё относится к нему в первую очередь. Герасимов признал, что наши официальные художественные круги неправильно оценивали импрессионизм, что к наследию импрессионизма нельзя относиться целиком отрицательно. В то же время Герасимов назвал ошибочным существующее мнение, что социалистический реализм может использовать технические достижения импрессионизма.

22 июля. Воскресенье. Работаю, как каторжный, за свои полставки. В одно из дежурств списал статью одного американца из журнала «Молодёжь мира». Статья называется «Джаз». Прилагаю ее к дневнику.

Сегодня я узнал, что означает строка в песне «Колыма»:

«Я помню тот Ванинский порт. . .»

Порт Ванина — пункт пересылки заключенных в 10 километрах от Совгавани.

Кстати, я неправильно записал в дневнике одну историю. Валентин Бережков не при чём. Оказывается, зять Хрущёва-это Аджубей. Он ухаживал, будучи студентом, за красавицей Скобцовой, которая впоследствии играла Дездемону в цветном фильме «Отелло». Скобцева и Аджубей составляли красивую пару, им прочили счастье. Но ловкий мальчик всех обманул, он женился на дочери Хрущёва. Она некрасива, зато она дочь.

23 июля. Понедельник. Оказывается, Н. Заболоцкий вовсе не молодой поэт, а один из старейших. Не знаю, что и когда он писал, но всплыл он неожиданно. Мне его стихи безумно нравятся, особенно «Утро» и «Журавли». Его стихи очень лиричны, нежны и музыкальны, им свойственно тончайшее чувство природы. Николай Заболоцкий.

К нам едет делегация Итальянской компартии проверять детали «культы личности». Сам Тольятти не пожелал приехать.

Нашу позицию в вопросе о культе личности не разделяют самые крупные и самые активные коммунистические партии: Китайская и Итальянская. В Союзе коммунистов Югославии то же самое положение, и Тито, по-моему, тоже Сталин в миниатюре. Всё это сходится с моей мыслью, что сталинизм, или культ личности, или вождизм, или как угодно это назвать-не случайное явление, а порождение объективной закономерности, неизбежное явление, необходимый период в истории каждой коммунистической партии: более или менее ярко. Вообще вождизм есть характерный признак переломных эпох, великих кризисов и больших социальных потрясений.

Переход от рабовладельческой демократии к Империи выдвинул в Риме такую величественную фигуру, как Юлия Цезаря.

Эра абсолютизма, означавшая межевой столб двух великих мировых систем-феодальной и капиталистической, дала Людовика XIV, которому, как и Цезарю, воздавались чуть ли не божеские почести.

После Революции и Террора возвысилась личность Наполеона, и термин «цезаризм» приобрёл синоним «бонапартизм».

Переходная эпоха от русского убудочного военно-феодального империализма (царский режим) к коммунизму породила, после трех революций и основополагающей деятельности Ленина, явление с т а л и н и з м а. Переход, о котором я говорю, представляет собой гигантский скачок, период бурных потрясений. Выражаясь языком геологов, у нас в СССР вулканическая деятельность еще не закончилась. Тут не могло обойтись без заминок в развитии и возвратных движений. Развитие идёт не по прямой, а по спирали.

Они там на Западе применяют к нам термин «тоталитаризм». Тоталитарным государством у нас называют «буржуазное государство с фашистским режимом». В словаре написано: «Характеризуется сосредоточением государственной власти в руках клики фашистских главарей,

полной ликвидацией демократических свобод, режимом кровавого террора против революционных и прогрессивных организаций и деятелей, бесправием трудящихся, агрессивной внешней политикой». На Западе говорят: «красная экспансия», «советский тоталитаризм», «советский империализм» и т.д. Один американский журнал писал в этом году, что при «советском тоталитаризме» литература обречена на гибель, что вся советская литература состоит «из мрачных, меланхолических шлоховых и хитрых эринбургов».

Интересно сказал о нашей поэзии Владимир Луговской в статье по поводу 60-летнего юбилея Павла Антокольского («Литературная газета»):

«В 30-х годах появилась у нас в поэзии какая-то условная народность, основным эталоном которой явилось творчество талантливого поэта-песенника В. Лебедева-Кумача. И эта условная народность затмила в тридцатые годы даже замечательное творчество Твардовского и других поэтов, хороших и разных. Что мы на этом выиграли? Внимание к песне. Это было очень хорошо! Что мы проиграли? Мы растеряли творческие поиски, мы нивелировали стих, мы вызвали растерянность среди поэтической молодёжи, мы стали бояться всякого новаторства, перестали работать над русским стихом. А влияние ложноклассических од, восхваляющих культ личности во всех его видах, нанесло в то время ещё больший удар по многоцветной и прекрасной советской поэзии. Ничего, она привыкла к ударам! Но лучше было бы меньше ударов и больше творческого дружества. Дружество! Дружество поэтов России, дружество поэтов великого Советского Союза, братский разговор о стихе, «О Шиллере, о славе, о любви», а не мрачная проработка друг друга. Почему же мы оставили в забвении этот братский большой разговор, к которому призвал Маяковский?»

24 июля. Вторник. Смещён со своего поста Матиас Ракоши, венгерский вождь. Би-Би-Си передало, что Сталин перед войной обменял Ракоши, сидевшего в тюрьме, на старые венгерские знамёна, захваченные русскими в первой мировой войне. Уход Ракоши и посмертная реабилитация Райка-всё это события одного порядка, отзвуки XX съезда.

Один товарищ вёл со мной разговор об атомной бомбе. Вспоминали Хиросиму: он говорит, там погибло 200.000 человек. Пожалуй, преувеличивает. На большом расстоянии пострадали люди, одетые в полосатые кимоно: под этой лёгкой одеждой тело исполосовали ожоги соответственно расцветке ткани, где были чёрные полосы-тело выгорело, где белые-не пострадало.

У нас в Казахстане был произведён знаменитый марш пехоты через территорию атомного взрыва. Шли в специальных противорадиоактивных костюмах, очень тяжёлых и неудобных, удваивавших страдания от жары. Переход прошёл удачно. Командовал им генерал-лейтенант или генерал-майор Чиж, и сразу после завершения марша Жуков подарил ему в награду именные часы и автомобиль «Победу».

Эдик Пугачев рассказывал мне, как он в 1933 г. работал торговым экспедитором. Он был маленьким начальником в своём торге: ему подчинялись два грузовика и несколько грузчиков. Ведал он определённой группой товаров: пиво, водка, квас, морс, сироп и т.п. До этого он удивлялся, как торговки ухитряются жить на 300 рублей жалованья, да ещё хорошо жить. Но тут он понял, в чём гвоздь. У этих баб поговорка: «Качок-пяточок». Имеется в виду пиво в бочках, которое качается ручным насосом и которое можно недоливать за счёт густой пены. «Плоха та продавщица, которая не сделает 100 рублей на бочке пива», — говорили они. И делали. Поэтому они не терпели, когда им приходилось продавать бутылочное пиво. Экспедитору с каждой бочки они, как законную награду, выкладывали 5 рублей. Кроме того, когда везли ящики с бутылками, с каждой машины допускается списывание на бой двух бутылок. Шофёр никогда их не разобьёт, этих двух бутылок, они идут экспедитору, будь то коньяк, шампанское, пиво или квас. Таким образом, экспедитор может жить в своё удовольствие, «сыт, пьян и нос в табаке», как говорит Эдик.

Рассказывал он немного из быта трудовых лагерей. Уголовники ненавидят политических. Всех, кто по 58-й, называют «фашистами», будь то власовцы или старые большевики— всё равно. Уголовники народ тёмный, всё их образование— «три класса и двести пятьдесят карманов». Презирают и терпеть не могут в лагерях тех людей, которые попали за изнасилование или вообще за преступление, связанное с женщинами. О таких говорят, что он «из-за... Б Е З Д Н Ы... страдает» и называют (приблизительно)..., «Б Е З Д Н О страдателями». Первым делом всегда вымещают злобу на «фашистах», а потом на «п... острадавших». Но всё это уходит в прошлое, жизнь лагерей сейчас сильно изменяется.

26 июля. Из Москвы приехала Галина Константиновна Козьминых. Я встретил её на улице, когда бежал из редакции в типографию. Мы немного поговорили. Она передала мне привет от Феликса. Значит, мои сведения устарели, и они всё же помирились. Он сейчас на практике в Бодайбо.

У Алика Касимова родился сын.

Уже 19 дней, нет, сегодня уже 20, я работаю в «Ленинце» литсотрудником за полставки—425 рублей. Ко мне относятся хорошо, но слегка эксплуатируют: за это время я уже дежурил четыре раза, т.е. один раз вне очереди. Говорят, что я очень похудел, но это не важно.

Плохо у мамы. Она всё чаще болеет, работает, не жалея себя, а с редактором Давыдовым у нее сложились очень плохие отношения. Самое страшное, что я ничем не могу помочь и ей, чувствую себя бессильным. Не могу же я набить морду её редактору! Ведь тогда её выгонят с работы. Это самая страшная сила—материальная сторона вопроса, деньги, средства существования... Сегодня она опять разругалась с ним на пла-

нёрке и вышла в слезах ещё до завершения планёрки. У неё очень плохо, и я не знаю, что делать. Если бы у меня был шанс, я бросил бы институт, а её заставил бы перейти на пенсию. Но где найти работу? Физическим трудом я много не заработаю.

31 июля. Вторник. Так, будем подумать. Сегодня вторник. В июле был 31 день. Ну, да, сегодня 31 июля.

Я заболел в пятницу, к концу рабочего дня. Три дня я пролежал в постели. Температура доходила до 39,5°, так что было очень тяжело и неприятно. Сегодня с утра температура нормальная, то есть 36,3°. Я решил встать с постели. Рука нетвёрдо держит перо. Ничего себе поболел: грипп и катаральная ангина. Съел я много таблеток норсульфазола и стрептоцида. Сейчас я ещё очень слаб. Но хорошо то, что я уже четвертые сутки не курю. Пожалуй, можно и бросить курить.

У мамы с редактором оказалось не так уж плохо, она преувеличила. Он устроил с ней деловой tête-à-tête, благородное объяснение. Не стоило воспринимать так трагически.

22-го, в воскресенье, сестра уехала в Харьков. Приехала туда 24-го вечером, мы получили телеграмму и письмо.

Сегодня в 12 часов дня тётя Хуршида должна была явиться на бюро обкома. Разбор её заявления о восстановлении в партии. Не знаю, как кончилось дело.

Уже не помню, записывал ли я в этих тетрадях о получении мною в Уфимском горзагсе свидетельства о смерти на отца. Согласно этому свидетельству он умер 29 октября 1941 года. Графы «причина смерти» и «место смерти» не заполнены. Прожил он, следовательно, 42 года.

Вот пока все события. Тётку восстановили в три минуты.

Приходил ко мне Юра Дерфель, поиграли в карты, он почитал мои рассказы, ему понравился рассказ «Мой товарищ Игорь». Этот рассказ мне самому нравится. Но напечатать его нигде нельзя. Юра принёс мне почитать томик стихов-«Избранное» Алексея Недогонова, издано «Московским писателем» в 1955 г. Недогонов когда-то получил посмертно Сталинскую премию за поэму «Флаг над сельсоветом». По-моему, Недогонов-жертва сталинизма в литературе. Стиль у него испорчен. Поэма мне не понравилась. Стихи Гудзенко, Шубина, Наровчатова лучше, но в «Лирике» Недогонова встречаются хорошие вещи, сильно, впрочем, сбивающиеся на Симонова, Светлова и других предвоенных корифеев.

7 августа. Вторник. Слухи, рассказы, передачи Би-Би-Си. «ОЛЕГ КОШЕВОЙ ПЕРЕЕЗЖАЕТ ИЗ БОННА В ЛОНДОН». Это меня страшно поразило. Неужели это правда? Говорят, что Любовь Шевцова в Париже. Олег Кошевой жив, невозможно поверить. Говорят, их могилы, их тела не найдены в Краснодаре. Считалось, что они расстреляны отдельно от остальных. Теперь они говорят, что Люба и Олег живы, что они были увезены в Германию. Не знаю, что думать, правда или ложь.

Ведь у нас говорят, что мать Олега опознала его труп, совершенно седого. Не знаю.

Но вот уже совершенно точно, достоверно, говорят многие наши ребята: родители Стаховича собрали документы, неопровержимые свидетельства и добились в Москве, в центре, реабилитации своего сына. Уже год назад на памятнике в Краснодаре высекали в добавление имя Стаховича. ОН НЕ БЫЛ ПРЕДАТЕЛЕМ. Фадеев его оклеветал, вольно или невольно. Он выставил его предателем перед всем миром. Это ещё одна из предположительных причин его самоубийства.

Так закачалась и готовится рухнуть ещё одна великая легенда сталинской эпохи. Вот она, красота легенд! Вот она, ложная романтика!

Башкирию постигло страшное бедствие: нет чая. Огромные очереди выстроились в магазинах, где хоть немного ещё сохранилось чая. Русские привыкли к чаю, это национальный напиток, но башкиры и татары без чая не могут жить-я помню в прошлом году в колхозе старуха-хозяйка болела без чая. В чём же дело? Рабочие Уфимской чаеразвесочной фабрики рассказывают, что все транспорты чая арестованы. Чай-то ведь у нас только грузинский. В чае обнаружен мельчайший стеклянный порошок. Ведётся кропотливая проверка при помощи микроскопов. Акт гигантского вредительства, диверсия в национальном масштабе.

Слово СССР теперь расшифровывается так: Смерть Сталину Спасла Россию.

Весь мир полон словом Суэц. Би-Би-Си только и кричит: Suez Canal! Гамаль Абдель Насер, национализируя компанию Суэцкого канала, выступил сначала, в упоении успеха, очень гордо и воодушевлённо, но второе его выступление было значительно мягче. Англия, Франция и США выступают против национализации компании. Военные суда западных держав вошли в Средиземное море. Пахнет порохом. Теперь уже никто не делает секрета, что оружие Египет купил не у Чехословакии, а у СССР.

В США идёт предвыборная кампания.

В Москве, говорят, очень много сталинистов, бонапартистов типа Алика Глезера. Красивая, модная поза-фрондёрское отношение к правительству.

Светлана просит правительство выдать труп Сталина для погребения. Никакого Пантеона, конечно, не будет.

12 августа. Воскресенье. Сегодня я ездил на кладбище в старую Уфу. Хоронили старушку, «бабу Олю», которая 50 лет жила в семье Глезеров. Нет, вернее, сначала она была нянькой алькиной матери, потом нянькой Алика и Татьяны. Она фактически была членом семьи. Последние годы тяжёлая болезнь накрепко уложила её в постель: она могла только с чужой помощью поворачиваться с боку на бок и приподниматься, изредка садилась. Так прожила она три или четыре года. Последние дни была без сознания. Хоронили её без музыки. На могиле поставили крест: она

была русская.

В последние дни я открыл через форточку Америку: оказывается, сталинистов у нас гораздо больше, чем я предполагал. С антипатией относятся к функционирующему правительству и молодые люди, и люди зрелого возраста. Примеров множество. Обычно это проявляется в нетрезвом виде: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». В нормальном состоянии говорить боятся, так как не верят в демократизм и смягчение режима, ожидают новой вспышки террористических мер, рассматривают внутренние реформы в МВД, в юстиции и т.д. как временные меры.

Однажды ночью я встретил на улице пьяного рабочего, который рассуждал сам с собой и ожесточённо заявлял в пространство: «Мы за Сталина, за Родину ползком доползли до Берлина!» А в эту пятницу, в 11-ом часу вечера, на центральной улице Ленина, около ресторана «Башкирия» стояли четверо пьяных, тоже среднего возраста, и, загораживая тротуар, прислонясь кто к столбу, кто к деревянному забору стройки, пели довольно стройным хором давно забытую песню:

*«От края до края, по гордым вершинам,
Где горный орёл совершает полёт,
О Ста-а-алине-е мудром, родном и любимом,
Великую песню слагает народ».*

Если не ошибаюсь, эту песню написал Лебедев-Кумач. Я помню, как перед самой войной, еще в детском саду, мы разучивали и пели своими тонкими голосами эту знаменитую «Песню о Сталине». Сейчас она выглядит как манифестация.

Авторитет правительства невелик. Во-первых, не стало могущественного средства-страха смерти. Во-вторых, исчез гипноз, обаяние большой личности, какой он всё же несомненно был. В-третьих, нет уже той оглуляющей и лживой пропаганды. В-четвёртых, откровенное выявление и обсуждение недостатков всей нашей системы дало повод для агитации недовольных. В-пятых, авторитет правительства умаляет фатальный вопрос: «А ГДЕ ВЫ БЫЛИ?» В самом деле, пять лет назад члены сегодняшнего правительства молча служили покойному Цезарю и открывали рот только для дифирамбов. После XX съезда партии В-В-С целый день передавала без всяких комментариев два текста: речь Микояна на XIX съезде и речь Микояна на XX съезде. Контраст был поразительный. Хрущёв на XIX съезде тоже кое-что сказал такое, что не вяжется с его прогремевшим специальным докладом. Об этом с презрением говорит широкая публика, и ответ скептической усмешки освещает суждения от Band K.

Мыслящие люди уважают Band K за их активность, но авторы анекдотов высмеивают двух туристов. Необдуманные шутки Хрущёва не способствуют росту его популярности. Право же, когда он только что сменил Маленкова, он был гораздо популярнее.

Всем видно, что Хрущёв решает все дела, кто бы их не подписывал. Ворошилов стар, и народ в выпусках кинохроники, где показан Кремль и приёмы послов, смотрит с сожалением, как трясётся седая голова председателя президиума Верховного Совета и как он, надев очки, читает по бумажке речь. Молотов отстранён от руководства внешней политикой, Маленков ведаёт электростанциями, Каганович ушёл из Комитета по вопросам труда и заработной платы. Шепилов, бывший редактор «Правды», карьера которого не даёт спать иным честолюбивым журналистам, является не более как талантливым исполнителем. Бессменный Зверев-заслуженный бухгалтер нашего большого колхоза. На втором плане теснятся прочие фигуры-министры внутреннего значения. Во всём кабинете более или менее независимым считают Анастаса Ивановича Микояна. Сам глава правительства-Николай Александрович Булганин, с его почтенной наружностью, благородной сединой, грустными глазами и приятной улыбкой усталого, но вежливо терпеливого человека, — не является большим авторитетом в политической, хозяйственной или иной области. Его считают всего лишь ширмой Хрущёва, его спутником, его оруженосцем. В Женеву сначала не хотели ехать совещаться с одним Булганиным, но мы послали внушительное *quartetto* Бул[анина], Хр[ущёва], Жукова и Молотова. О неразлучности Б и К недавно еще острили так: «На приёме присутствовал Иден¹ с супругой, Пино² с любовницей и Хрущёв с Булганиным». В «Paris match» писали, что во время визита В и К в Англию на улицах появились издательские надписи: «Welcome Grace and Rainier»³. Булганин-не герой.

Но на всё правительство с избытком хватает кипучей энергии Хрущёва. Никогда нельзя с уверенностью сказать, где он находится. Он переносится из одного конца страны в другой. Правда, он произносит речи, которые кое-кто находит «демагогическими». Многие москвичи недолюбливают Хрущёва. Говорят, что он заискивает перед рабочими. Резонно говорят, что хорошие постановления плохо выполняются, и под восторженный рёв прессы Хрущёв не замечает слабых мест и неудачных результатов. Трудно поверить, что Хрущёв не замечает. Он-то заметит. Его инициатива чувствуется во многом. Частенько его предложения осуществляются плохо и вызывают недовольство массы; магазин без продавцов и столовые без официанток никому что-то особенно не нравятся, но ведь никто не застрахован от ошибок.

Сильно повредило престижу Хрущёва «письмо ЦК»-специальный доклад на XX съезде, документ потрясающий, но содержащий личные выпады и чересчур живописные, неисторические, несолидные подробности. Главная ошибка Хрущёва в том, что он возлагает на Сталина вину за все

¹ Энтони Иден, премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

² Антуан Пино, министр иностранных дел Франции в 1955–1956 гг.

³ «Добро пожаловать, Грейс и Рень» (англ.). Речь идет о Грейс Келли и ее супруге Рейне III, князе Монако.

ошибки и преступления, совершённые под его властью. Один человек, как бы он ни был велик, не в силах так круто изменить судьбу великой страны. Хрущёв сам впадает в тот культ личности, который он так порицает. В этой связи нельзя не вспомнить «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и вещие слова Маркса о памфлете Виктора Гюго «Наполеон маленький». Да, прав, пожалуй, Тольятти, что доклад Хрущёва немарксистский. Но мы уже поправились: недавнее постановление ЦК анализирует исторические условия, породившие культ личности. Тем самым мы признаём, что культ личности, сталинизм-явление не случайное. Так оно и есть. Всё же ЦК в целом мыслит правильнее, чем один человек, даже если это Хрущёв.

Сталин был не один. Его ошибки, сама их возможность порождены системой. А система меняется пока что очень слабо. Люди, которые возвеличивали Сталина, соучаствовали в терроре 1937-го года, остались попрежнему у власти. Преобладающее настроение массы-недоверие и сомнение. Преобладающее настроение властей-лихорадочная жажда деятельности, перестройки и обновления.

Мир занят попрежнему Суэцким каналом. В США закончилась победой рабочих забастовка 650.000 сталелитейщиков.

Осенью в СССР приедет Ив Монтан.

Почему-то у нас ничего не писали больше о пребывании в Союзе Давида Бурлюка, а он приехал на 2 месяца в конце апреля, если не ошибаюсь. Видимо, наши поссорились с Додиком.

Я услышал и узнал новые имена в советской поэзии: Леонид Мартынов, Григорий Поженян и Борис Слуцкий. Надо бы их достать и прочесть. О Слуцком была большая статья Эренбурга в «Литературной газете», где Эренбург цитировал прекрасные отрывки.

В «Комсомольской правде» от 11 августа статья о стиле, о стилягах. Руководство бьёт отбой. Великая кампания против стиляг кончилась.

Нет, но какой озлобленный народ в Москве! Оттуда приезжают молодые ребята и говорят такие вещи, что наше спокойное уфимское мировоззрение летит кувырком. «Вы тут в пыли живёте, работаете, как скоты, и ни хера не соображаете!» У них такое настроение, что хоть сейчас готовы повесить автомат на шею и идти на баррикады. Готовы глотки рвать. «Кому?» - «В первую очередь демагогам». «Нечего перестраивать, надо ломать». И сыплются злые остроты, анекдоты. Вот образцы.

«Одна из довоенные пятилеток. Кружок партучёбы. Лектор читает планы, перечисляет цифры, сколько заводов будет построено и т.д.

– У кого есть вопросы?

Один еврей поднимает руку:

– А масло у нас будет?

– Об этом данные не опубликованы.

Следующая пятилетка. Тот же партийный кружок и тот же лектор рассказывает о планах и цифрах.

– *Прошу задавать вопросы?*

Встает здоровенный русский мужик и спрашивает:

– *А где тот товарищ, который маслом интересовался?»*

Другой анекдот.

«1937 год, трое в тюремной камере.

– *Тебе сколько?*

– *Десять.*

– *За что?*

– *За то, что Радека ругал. А тебе сколько?*

– *Десять.*

– *За что?*

– *За то, что Радека хвалил.*

Спрашивают третьего:

– *Вам сколько?*

– *Десять.*

– *А за что?*

– *Я Радек».*

«Один старый большевик сидит и заполняет анкету.

– *Чем Вы занимались до 1917 года? -Сидел и дождался.*

– *Чем Вы занимались после 1917 года?-Дождался и сел.*

– *Были ли отклонения от генеральной линии партии? -Нет (Колесался вместе с линией)».*

– *«Как вы живёте?*

– *Живём, как в Африке: ходим голые, имеем вождя».*

Новый вариант старой русской сказки:

«Посадил дед репку. Посадили деда за репку, бабу за деда, внучку за бабу, Жучку за внучку, кошку за Жучку, мышку за кошку. Мышку уже реабилитировали».

«Булганин взял костюм своего истопника (или уборщика) и пошёл incognito по Москве. Идёт рабочий с работы. Булганин к нему.

– *Здравствуй, товарищ.*

– *Здорово.*

– *Пойдём, вытъем.*

– *Что ж, пойдём.*

Зашли, опрокинули по 100 грамм. Булганин спрашивает:

– *Как живёшь?*

Тот посмотрел, оценил костюм и повадку, стал серьёзным:

– *Живу хорошо, зарабатываю 3.000 в месяц, квартира замечательная-из пяти комнат, все дети учатся только на пятёрки, жена не радуется, тёща тихая, как ангел... (и т.д.)... да здоровствует советская власть. Вытъем ещё?*

Вытили ещё, подружались. Рабочий спрашивает:

- А ты кто такой будешь?
– Да я простой гражданин, погулять вышел.
Рабочий плюнул:
– Тьфу, пропасть! А я-то думал, что ты американский корреспондент».

Раздражённые говорят: «Эта слабость временная, скоро опять начнут хватать. Но мы теперь многое поняли».

17 августа. Пятница. Я купил в киоске за 3 рубля седьмой номер журнала «Польша» за этот год. Журнал выходит кроме польского на русском, немецком, французском, английском и испанском языках. Замечательно интересный журнал. В этом номере напечатана статья Марека Гласко «Пока жив человек».

«Семьдесят пять лет тому назад, 9 февраля 1881 года, сто тысяч жителей Санкт-Петербурга провожало к месту вечного покоя гроб с телом человека, жизнь которого была непрерывной цепью страданий и унижений, нужды и мучений, одиночества и несчастий. Этим человеком был Фёдор Михайлович Достоевский. История не сохранила для потомков ничего, кроме даты; неизвестно, шёл ли в этот день дождь, было ли пасмурно, морозно и ясно, или уныло и туманно; кроме даты похорон Достоевского, история отметила только жестоко ироничный факт, что терпевшего всю жизнь нужду и произвол человека провожало полгорода, в том числе цвет русской аристократии. Если бы существовала вечная жизнь, Достоевский-эта наиболее трагическая личность русской литературы, не нашёл бы, однако, мира в стране, которую он сам назвал тёмной комнатой с закрытыми дверями и окнами, полной пауков. Наверно, ни одного писателя не понимали так разное, так несправедливо и фальшиво; ни один писатель не был окружён такими разнообразными мифами, ни о ком из писателей другие писатели не писали так разнородно.

Трудно найти правду о Достоевском и трудно понять правду, которую он сам хотел указать людям.

Всё творчество Достоевского это, собственно говоря, монолог, написанный по партиям, монолог, трактующий о правде. У Достоевского, начиная с главных героев и кончая эпизодическими фигурами, все ищут правду; люди, которые никогда не жили и не будут жить, лихорадочно мечтают в поисках какой-то правды, какой-то идеи, которая объяснила бы им загадку жизни и оправдала бы их земное существование. Ни у одного писателя, которого я знаю, эта жажда правды не выявляется с такой бешеной страстью. Достоевского нельзя сравнить ни с Шекспиром, ни с Бальзаком, ни с Конрадом. Достоевский-это особая великая литература и одновременно её опровержение, ибо нет другого такого писателя, стиль которого был бы таким серым, таким невыразительным, таким безнадежно газетным. Достоевский

не умеет изобразить внешнего мира. Иногда он пытается показать какой-нибудь пейзаж, иногда стремится в описании ночи показать луну, переулок или лестницу, но сейчас же, разрушая всю внешнюю оболочку, вторгается в каждую мысль и поступок человека. Перед Достоевским человек стоит без всяких оболочек, отделённый от своих стремлений и порывов, производит впечатление умершего, и Достоевский, как врач, приступающий к вскрытию, наклоняется над человеком со своим беспощадным пером. Он однообразен, ужасно однообразен; все люди Достоевского похожи один на другого, они одинаково ведут себя, одинаково одержимы, у них одни и те же жесты и способ разговора, даже тогда, когда Достоевский уверяет нас, что они разные; даже тогда, когда он показывает нам старика и ребенка, аристократку и проститутку, добродетельного и негодяя. Достоевский-это монолог одного человека, всё время того же самого, при разных обстоятельствах. Человек Достоевского-мономан; мономан-Кирилов, одержимый идеей самоубийства, мономан-Алёша Карамазов, мономаны Раскольников и Настасья Филипповна; человек Достоевского-это человек, вопиющий из самого ада об искре правды. Он ищет её в преступлениях, собственных страданиях, в кутежах, любви к мукам; в самоуничтожении ищет её сумасшедший и прекрасный Николай Ставрогин, с дикой любовью стремится к ней Карамазов, оцупью, с библейской добротой жаждет достичь её идиот, в мерзком преступлении-взбунтовавшийся Раскольников. Служащие, купцы, лакеи и взяточники, преступники и обезумевшие от любви женщины непрерывно тянутся к правде. И здесь кончается гений Достоевского; склонившийся над микроскопом жизни Достоевский даёт своим героям правду, которой нельзя прельстить даже ребёнка. Он сам, чувствующий, как никто, обиду и человеческое унижение, оказывается ребёнком, когда хочет вырвать человека из ада, в котором тот живёт. Он предлагает человеку философию, которую можно принять только в бреду и пользоваться ею только в горячке, в жизни она является только пугалом для воробьёв. Так же как и Толстой, Достоевский видел ночь своего народа, быть может, видел, как никто до него, но указать путеводную звезду он не сумел.

Как каждый человек, не выдержавший в борьбе за какую-нибудь идею и изменивший ей, Достоевский ненавидел революцию. Отравленный страданиями и неудачами, не забывая до конца жизни дула винтовок карательного отряда, Достоевский перестал понимать стремления своего народа. «Бесы»-этот самый чудовищный и, пожалуй, самый прекрасный роман в мире, это только карикатура, и то карикатура, сделанная художником, который ненавидит свою модель и преднамеренно искажает пропорции. Достоевский не понимал революции, представлял её так, как представляют её старые тётки из провинции своим добродетельным племянникам, уверяя их, что большевик-

это то же самое, что поджигатель и насильник, анархист и убийца, поджигатель костёлов и глашатай свободной любви. Достоевский проиграл свои шансы написать гениальную повесть о революционном движении. Достоевский перестаёт быть выразителем страданий своего народа-он только мелкий торговец, боящийся за свой ларёк и стремящийся скрыть свой страх фразами, которым он сам не верит. Его «шигалёвщина», его видение будущего мира похожи на бормотание Оруэлла-убийства, пожары, уничтожение человеческой индивидуальности, кандалы, ложь и свист бича.-«В щигалёвщине не будет стремлений, — восклицает Верховенский.-Стремления и муки-для нас; для рабов-шигалёвщина». И снова Достоевский перестаёт быть гением: это шестилетний слабый мальчик, который, не имея сил для борьбы с ровесниками, забавляется вырыванием крыльев у мух в полной уверенности, что это даёт одинаковое удовлетворение. Просто удивительно, что этот гений, такой чувствительный к человеческим страданиям, оказывается ребёнком тогда, когда речь идёт о самом святом деле мира.

Я не знаю, захватывает ли Достоевский современных читателей так же сильно, как тридцать или сорок лет назад. Времена изменились: человечество с того времени прошло через десять войн, концентрационные лагеря, нацификации и самый ужасный террор; человечество уже пережило своё, по сравнению с чем Достоевский со своим мраком является только смешным подростком. Современный человек иначе будет читать Достоевского, чем читал его тридцать и даже двадцать лет тому назад. Он закалён перед ужасами-в мире ежедневно гибнут люди, ежедневно мир является свидетелем новых преступлений, новых насилий и бесправия. Человечество, терроризированное бомбой Н, человечество отчаянно борющееся против «А-day», утратило уже пропорции страданий, и я не знаю, могут ли сумасшествие Ставрогина, любовные муки Карамазова, страдания Мышкина потрясти кого-нибудь в такой степени, чтобы приставить к виску револьвер. Двадцатый век-это эпоха иных страстей, Достоевский предстаёт перед нами, лишённый всех своих ужасов. Но я думаю, что он бесмертен, как Данте, Шекспир или Леонардо да Винчи. Время, лишившее Достоевского ужаса, выявило его другие качества, которые могут глубоко затронуть людей, понимающих двадцатый век. Ценность Достоевского заключается не в его философии, но в силе влечений его героев, в их стремлении к правде, счастью и любви. Достоевский-это документ позора, в котором жил самый сильный сегодня народ мира. Никто не показал так, как он, позора своего народа; никто, как он, с таким неистовством и страстью не передал страданий своего народа, жившего в то время в тени виселиц, в страхе перед кнутом. И поэтому Достоевский невольно стал предостережением перед дном, на которое может скатиться человек. Предостережением, следова-

тельно, вновь невольно-призывом к освобождению человека от кошмара. И в этом, по моему мнению, скрыто величие человека, которого три четверти века непрерывно обвиняли в болезни и разложении.

Во имя настоящего нельзя забывать о заре вчерашнего дня. В польской литературе десятилетия, в частности, мало ценного и потому, что в ней слабо отображены правдивые страдания, боль и поражения, пережитые человеком. Описания людских страданий так же дешёвы, как костюмы танцовщиц в варьете. И никогда уже наш читатель, взяв спустя двадцать лет в руки одну из этих книг, не узнает, что чувствовал одинокий человек, что он переживал во время стройки металлургического комбината имени Ленина, и как выражалась подлинная человеческая любовь или ненависть во время строительства социализма. Отображение борьбы человека с тёмными сторонами жизни в нашей литературе стоит на уровне воскресной школы. Достоевский—это ночь, о которой необходимо помнить; необходимо помнить, чтобы обрести правильные пропорции времени; необходимо помнить о ней тогда, когда в сердце вкрадываются страх и сомнения. Он бессмертен потому, что больше всех сказал об извечных человеческих проблемах. Он блуждал, так как жил в самую кошмарную ночь и не сумел найти света; блуждал, так как жил в ночи, на каждом шагу встречаясь с несчастьем и страданием, которые подавили его и сбили с пути к свету. Достоевский—это крик над тёмной рекой, но, пока на свете живёт человек, жаждущий любви, справедливости и чести, Достоевского будут читать, хотя бы для того, чтобы никогда не загнула мёртвым сном человеческая совесть».

18 августа. Суббота. Я списал всю статью целиком, настолько она мне показалась оригинальной и примечательной.

В Берлине 14 августа в 23 часа 45 минут скоростно скончался видный писатель Бертольд Брехт, создатель и руководитель знаменитого театрального коллектива, известного под названием эпического театра Бертольда Брехта.

20 августа. Понедельник. Сейчас в Уфе на каникулах Валерий Сиваков, студент института внешней торговли. Я был у него в воскресенье. Он привёз с собой интересную штуку—американский журнал 1948 года. Название журнала я не понял, там напечатано «Mc Call's»—но это просто фамилия в родительном падеже. Журнал цветной, великолепно иллюстрированный и на три четверти посвящён рекламе. Сильный налёт порнографии. Бесчисленные фотографии и рисунки (кстати, исполненные в невысокой, но совершенно реалистичной манере) изображают главным образом женщин и девушек или любовные и семейные сценки. Девушек можно классифицировать по одетости на 5 категорий: 1) шикарно одетые, 2) просто одетые, 3) небрежно одетые, 4) полуодетые, 5) почти не одетые. Две или три повести и рассказы на сексуальные темы. Одна повесть называется «Extra woman (Женщина-экстра)»,

другая-«Look at it my way». Сенсационный фотоочерк про малолетнюю убийцу-«End of boy's life». Всё остальное реклама, и какая реклама! Холодильники фирмы «Дженерал моторс», стиральная машина (Washer) фирмы Вестингауз, французская горчица, томатный соус для коктейлей, чулки, бюстгалтеры, алансонские кружева, пудра, духи, одеколон, одежда, на специальной мясной странице-мясо Армура и Свифта, еда, еда, еда, кремы, притирания. Парфюмерный набор«Вечер в Париже», «Evening in Paris»: «perfume, eau de cologne, powder».

Вот яркая, красочная страница: девушка закуривает, в углу крупный рисунок початой пачки сигарет с надписью «Lucky Strike». Реклама сигарет «Лики страйк», т.е. «Счастливая находка». У американцев strikeозначает не только забастовку, но также находку, открытие (золота, нефти и т.д.), а в переносном смысле-внезапную карьеру финансиста.

Или вот двое на фото: мужчина и женщина. Вот-вот поцелуются. Крупная надпись: «I 'm a Lux Girl». Это игра слов: «Я шикарная девушка (девушка-люкс)», но можно понять, что она горячая сторонница «Люкса», т.е. мыла «Lux», которое она рекламирует.

Весёлая физиономия девушки в белом бальном платье, с ослабленными зубами. Она тоже что-то рекламирует, кажется, притирание для кожи, её открытые плечи недурны. Но это не просто актриса, это Miss Nancy du Pont, daughter of Wilmington's first family. Это мисс Нэнси Дюпон, девица из семьи миллиардеров. Вильмингтон называют столицей их герцогства, если не ошибаюсь, в штате Делавар.

На одной из последних страниц журнала была помещена фотография в рост девушки в одних только трусах и лифчике. Обеими руками она поднимает свои мягкие шелковистые волосы и стоит в изящной позе, выставив гладкую соблазнительную ножку. Надпись примерно такая: «Keep legs hair-free. . .» («Сохраняйте ноги свободными без волос. . .»), в середине название «Imra», большими буквами, а дальше: odorless HAIR REMOVER CREAM(«непахнущий крем для сведения волос»). Действительно, ножки гладенькие и подмышкой детски чистая кожа. Остаётся раздеть её догола, чтобы показать-венерин холм тоже «hair-free».

На цветной фотографии улыбающаяся девушка, загорелая и здоровая, с энергично написанными бровями и в полосатом купальнике, держит в руке большой стакан чаю с лимоном. Это «swimming ace» (эйс-то же что немецкое «ас», туз, мастер), «co-star», т.е. кинозвезда из цветного фильма фирмы Метро-Голдвин-Мейер «On the island with you» («На острове с тобой»). Она рекламирует Lipton tea, чай Липтона, причём «iced», т.е. замороженный. De gustibus non disputandum, но замороженный чай с лимоном-это уж слишком по-американски.

Вообще ничего особенного там не было, но всё же кусочек незнакомой жизни. Почаще бы попадались в руки иностранные журналы. Ведь нужно знать их жизнь.

Меня очень интересует жизнь. Жизнь России, жизнь всего Союза,

жизнь Европы, Америки, Азии. Я хочу много видеть, много ездить. Но пока что я хочу хоть немного читать. Последнее время мне везло: Paris Match, Junge Welt, БОРБА, ПОЛИТИКА, теперь этот американский журнал.

Нужно читать иностранные газеты и журналы. Если этому препятствуют, то это очень плохо и несправедливо.

В газете «Ленинец» я больше не работаю. Скоро сентябрь, опять в колхоз, на работу. Надоело, признаться. Хватит, в конце концов, мятарить студентов. Нашли дешёвую рабочую силу. Это не выход из положения, это штурмовщина, это тришкин кафтан. Колхозники не заинтересованы в своём труде, не работают. Но главное зло, это всюду говорят недобросовестные председатели колхозов.

Мартовский номер «Огонька» за этот год (№ 12) привёл выдержки из интереснейшей американской статьи. В январском номере лондонского еженедельника «Picture post» за 1956 год появилась статья американца Уильяма Ричардсона «Ваша жизнь продаётся».

Уильям Ричардсон во время войны редактировал американский армейский журнал «Янк», был военным корреспондентом при штабе главнокомандующего союзными войсками в Европе генерала Эйзенхауэра. Поводом для статьи «Ваша жизнь продаётся» послужила идущая на английских экранах новая американская кинокартина «Держите вора!» Одна из героинь фильма, богатая американка, говорит молодому человеку: «Вы слишком симпатичны, чтобы я могла вам верить. Я обязательно прикажу, чтобы вас расследовали». Ричардсон вспоминает, что в Нью-Йорке зрители встретили эту реплику с экрана нервным и немного смущённым смехом: они знали, что это не выдумка сценариста. Ричардсон поясняет: «Установлено как абсолютный и никем не скрываемый факт, что каждый второй американец так или иначе становится объектом «расследования» при помощи сыска: прямо, косвенно, иногда добровольно, а больше-поневоле, иногда с его ведома, а часто-и без ведома. . . Ни один американец не может быть избавлен от того, чтобы в его жизнь не вторглась слежка, будь этот американец служащим крупнейшего треста или мелким бакалейщиком, знаменитым киноактером или поваром».

В своё время журнал «Форчун» назвал цифру в 20 миллионов человек, подвергшихся официально «проверке лояльности». Ричардсон утверждает, что если принять во внимание работу частного сыска, то налицо секретные досье, составленные не меньше чем на 60 миллионов американцев. Армия детективов одного только частного сыска превышает 150.000 человек.

Молодой врач из западного штата приехал в Нью-Йорк и там влюбился в девушку. Отец отказался выдать за него свою дочь. «У вас плохое прошлое, — заявил он жениху.— Вас исключили из университета за иг-

ру на скачках. Примерно тогда же вы не уплатили за костюм, купленный вами в магазине готового платья. Вас привлекали как виновника автомобильной катастрофы в Де-Мойне в 1953 году. На следующий год вашу мебель описали за просрочку очередного взноса». На вопрос ошеломлённого молодого человека, откуда взялся этот список полузабытых фактов, отец невесты самодовольно ответил: «Это стоило всего пять долларов». Сведения дал одно из 1.500 сыскных агентств, разбросанных по всей территории США. Ричардсон пишет:

«Крупный правительственный чиновник сказал мне, что годовой расход на всякого рода «расследования» составляет круглую сумму в два с половиной миллиарда долларов. На эти деньги можно было бы сделать процветающей экономику любого отсталого района мира».

По словам Ричардсона, самый распространённый способ политической и бытовой слежки в США — подслушивание частных телефонных разговоров. Этот метод узаконен в некоторых штатах. «Один нью-йоркский судья недавно заявил мне, что в этой практике нет ничего противоречащего закону: не можете же вы помешать людям собирать нужную им информацию!» Автор статьи «Ваша жизнь продаётся» приводит обширный перечень тех, кто подслушивает: «чиновники учреждений, служащие контор, банков, детективы бракоразводных бюро, администраторы отелей, игорных домов». Многие крупнейшие банки и корпорации официально признают, что специально выделенные служащие подслушивают десятки и сотни телефонных разговоров. Цель — неусыпно следить за «производительностью труда», за «лояльностью» и «моральным состоянием» рабочих и служащих. Одна из крупнейших транспортных авиакомпаний установила аппарат для прослушивания разговоров своих сотрудников. . . в мужской уборной своей главной конторы.

Ричардсон приводит и такой случай: было применено подслушивание к «одной из выдающихся женщин Америки», как он называет миссис Клэр Люс, нынешнего посла США в Риме. Её квартира и личная жизнь «освещались» в течение двух месяцев, прежде чем она получила назначение на этот высокий пост.

Ричардсон замечает не без горечи, что по иронии судьбы мания всеобщего сыска и доносительства фантастически разрослась после того, как американцам был подан пример в виде многочисленных «расследований», которыми занимались специальные комиссии конгресса и Верховный суд. «Нет, не сказочного волка, стерегущего у двери, боится американец, а «расследователя». Вот почему он так нервно смеялся, услышав реплику в картине «Держите вора!»

«Гитлер и Гиммлер перевернулись бы от зависти в могилах, если бы увидели, какой прогресс проделал автоматический сыск после войны». На помощь детективу приходит телевидение. Частные разговоры американцев могут быть не только услышаны, но и увидены дежурным детективом на расстоянии 2 или 3 миль. Для этого служат тайные передатчи-

ки и приёмники, размером часто не превышающие сигарную или даже спичечную коробку. Их можно поместить за картиной, висящей на стене салона, либо за зеркалом, вделать в потолок или стены помещения, даже спрятать в вашем диване. Эти миниатюрные аппараты выпускаются на рынок по цене от 300–400 до нескольких тысяч долларов. Более ста таких аппаратов уже установлено в Нью-Йорке. Одна из нью-йоркских «звёзд», Анна Корно, узнав, что её частную жизнь много месяцев изучали с помощью телевизионных аппаратов, воскликнула: «Теперь у меня такое чувство, словно я ежедневно купалась в прозрачной стеклянной ванне». Широко используют «новую технику» и боссы обеих политических партий для собирания скандальных данных о своих политических противниках.

«Целые горы фактов, подобных приведённым, собраны юристами и специалистами» (Ричардсон). Американский профессор, специально изучавший методы слежки, признался Ричардсону: «Если говорить чистую правду, у нас в Америке аппарат «расследований», имеющий своим объектом частную жизнь американцев, -самый всепроникающий и разветвлённый во всём мире». Профессор пытался оправдать это явление причинами, обусловленными особенностями истории США: широким развитием банковского и иного кредита, что вызвало необходимость выяснять «всеми доступными путями» кредитоспособность клиента или покупателя; распространением гангстерства, для борьбы с к[оторым] потребовалась «широкая сыскная сеть»; и наконец, полагает профессор, война тоже принесла с собой «некоторые потребности в расследованиях в интересах безопасности». Впрочем, свой исторический экскурс профессор заключил неожиданно грустным аккордом: «Вы сами видите, однако, что получается, когда лихорадка расследований овладевает такими людьми, как Маккарти!»

Менее учёную, но более жизненную картину нарисовал Ричардсону один старомодный частный детектив, ныне возглавляющий крупное сыскное бюро в Нью-Йорке: «Скажу по совести, несколько десятков лет тому назад попытка использовать против кого-нибудь частные слухи или сплетню грозила нашему брату большими неприятностями. Теперь люди как-то переменились. Им привита эта привычка перемывать косточки ближнему. Ну, а если они отказываются выложить то, что нам нужно, достаточно шепнуть слово «коммунист» о человеке, которого вы «расследуете», — и сразу языки развязываются».

Ричардсон подтверждает, что предметом общенациональной слежки всё более становятся в наши дни не финансовое положение и кредитоспособность американца, а его «моральный облик» и его «политические связи». В конце статьи Ричардсон характеризует описанную им систему вторжения сыска в жизнь американцев: «Это-то, что один выдающийся американский юрист назвал моральным, политическим и психологическим Дюнкерком для демократии».

Слухи: 1) Олег Кошевой в Канаде и просит разрешения вернуться в Союз. 2) Олег Кошевой якобы задержан при переходе границы. Слухи явно провокационные. Но что же в их основе? Очевидно, они хотели вызвать «boom» и забросить в Россию самозванца.

[Вложена вырезанная из газеты Правда от 13 авг. 1956 г. статья «Хозяин денег» автор В Чичков]